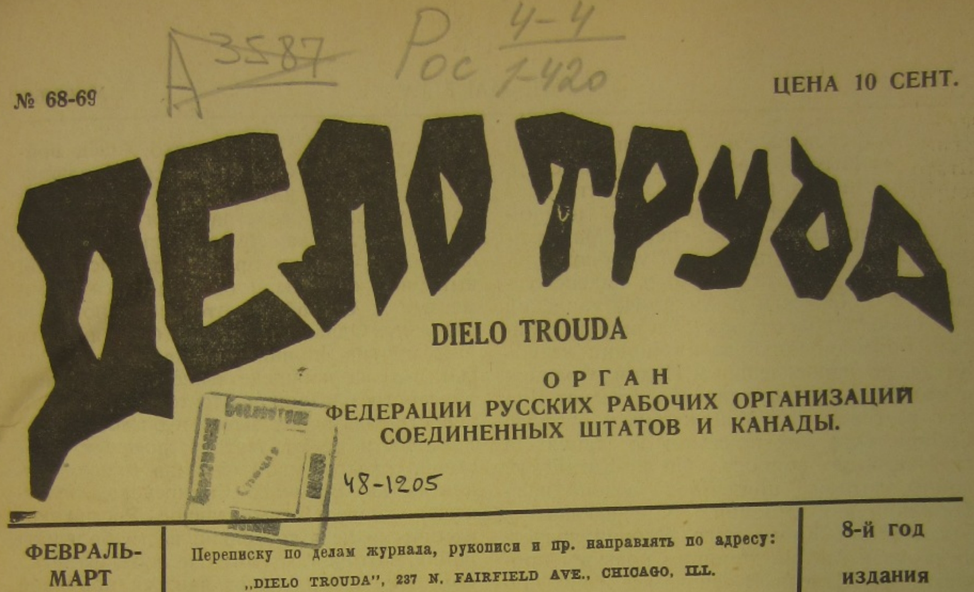
№ 68-69

ЦЕНА 10 СЕНТ.

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ФЕВРАЛЬ-МАРТ 1932 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
„DIELO TROUDA", 237 N. FAIRFIELD AVE., CHICAGO, ILL.

8-й год издания

ШАНХАИЗАЦИЯ МИРА.

До мировой войны имелось несколько очагов, игравших роль пороховых погребов, после же Версальского мира буржуазные политики установили их во многих местах.

Посмотрите на современную карту мира, сколько там этих погребов со взрывчатым материалом! Россия и Польша: между ним спор из-за части Украины и Белоруссии; Россия и Румыния: спор за Бессарабию; между Россией, Турцией и Персией скрытая вражда за Закавказье. Эстония, Латвия, Литва и Финляндия живут в постоянном страхе перед Россией и вооружаются не по средствам, попадая во все большую и большую финансовую кабалу Англии и Франции

Польша и Литва на ножах из-за Вильно. Литва и Германия ссорятся за Мемель. Германия не может примириться с отходом к Польше Силезии, Данцига, не может примириться с идиотским Польским корридором, разобщающим Восточную Пруссию от остальной Германии. В Германии реваншистское настроение против Франции, душащей ее репарациями. Австрия не в состоянии вести самостоятельное существование и стремится слиться с Германией, чему всячески противодействует Франция и Италия. Балканы по-прежнему остаются пороховым погребом, благодаря общипанному состоянию Болгарии и борьбу за Македонию. Между Италией и Юго-Славией борьба за Адриатическое море, которое Муссолини желает сделать внутренним итальянским морем, пробираясь в Албанию. Франция ведет дипломатическую борьбу с Италией за преобладание на Балканах. Они же да плюс Англия борятся за господство на Средиземном море. Англия ревниво - подозрительна к диктатуре Франции в Европе и охотно, при всяком удобном случае, поддерживает Германию против Франции. Боязнь потерять Индию и влияние в Азии толкает Англию на путь старой традиционной анти-русской политики. Скрытая борьба стран победительниц между собою за колонии и их рынки в Африке и Азии. Борьба колониальных народов за независимость: Индия, Индо-Китай, Сирия, Морокко, Филиппины и т. д. Борьба Англии с Соед. Штатами за господство в Атлантическом и Тихом океанах: борьба этих же стран за острова Карайбского моря, принадлежность которых Англии является бельмом на глазу у Соед. Штатов. Борьба Соед. Штатов и Японии за Филиппинские острова, за первенство в Тихом океане и за китайские рынки. Захват Соед. Штатами Центральной Америки, Никаругуа и ее господство на рынках Южной Америки вызывает открытое недовольство Англии, Японии и Франции. Борьба за эксплоатацию Китая между многими странами. Кроме того, быстрый рост населения Японии, этой островной империи, этой желтой Англии, ставит перед ней вопрос о размещении избыточного населения. Вначале вопрос этот решался усиленной эмиграцией на Американский материк, Австралию и Тихоакеанские остро-

ва, но встретив на этом пути противодействие, главным образом со стороны Соед. Штатов, Япония решила разрешить этот вопрос путем территориального приобретения: путем захвата сперва Манджурии, затем Монголии, а при удобном случае, путем захвата русского дальневосточного побережья с Амуро-Иссурийской областью, а то и отхватом Сибири до Байкала. Боясь проникновения Японии вглубь Китая, по направлению к Индии, Франция и **особенно** Англия усиленно толкают Японию на север — в Манджурию и русскую Сибирь. Они, как показали заседания Лиги Наций по вопросу Японо-Китайской войны, готовы поддержать всякий разбойничий акт Японии, направленный в эту сторону. Кроме того, Япония является в руках Англии хорошим козырем против Соед. Штатов. В основе всех этих противоречий, помимо национального фактора, лежит, главным образом, фактор чисто экономический.

Все эти пороховые погреба готовы взорваться от первого сотрясения воздуха и повлечь за собою ужаснейшую мировую бойню, войну всех против всех в воздухе, на земле и под землей, на воде и под водой с применением ядовитейших газов и болезнетворных микробов. И эта бойня уже обойдется не в 10 миллионов жертв, а в десять раз больше. Мир озвереет гораздо больше, чем после прошлой мировой разбойничьей войны.

Где, в какой географической точке мира произойдет новый выстрел нового Принципа, который взорвет все эти пороховые и динамитные погреба, сказать трудно. Одно можно сказать, что это обязательно произойдет.

Нам одно время казалось, что этим выстрелом Принципа будет военная экспедиция Японии в Манджурию и ее разбойничий погром Шанхая. Но мы, к счастью, кажется, ошиблись, эта неизбежная мировая бойня, сопровождающаяся шанхаизацией международного права, мирных жителей городов и сел, повидимому, будет отсрочена на неопределенное время за счет Китая.

Дело в том, что Япония выбрала очень удачный момент. В самом деле, европейские страны и Соед. Штаты потрясены экономическим кризисом и финансовым банкротством, растущей безработицей и классовой борьбой, что все вместе внушает буржуазии опасение, как бы война не превратилась в революцию, как это случилось с Россией, Германией, Австрией и Болгарией. Французская буржуазия, например, хорошо помнит, что конец войны чут-чуть не ознаменовался революцией. Все это международная буржуазия помнит. Англия же страшится участи Австрии. Английская буржуазия прекрасно понимает, что дни Британской лоскутной империи сочтены и она пытается всеми мерами и способами отсрочить роковую развязку. Одна же Америка боится выступить против Японии. Что же касается России, то она не представляет для Японии опасности благодаря отсутствию в дальневосточных водах флота и благодаря отдаленности ее от театра военных действий, с которым она связана только тонкой нитью Великого Сибирского Железнодорожного Пути, а главное, Россия экономически не в состоянии вести большую войну, которая к тому же в политическом отношении может явиться причиной падения современного русского режима. Одним словом, Япония все это учла и сделала вывод, что ее руки будут развязаны в китайских делах, что все обойдется формальными протестами. Внутреннее же нестроение Китая, отсутствие единства, военной силы и современной военной техники и пустая казна Китая сулили Японии не войну, а лишь военную прогулку, военный парад, который продемонстрирует перед народами Азии могущество японского оружия и сделает Японию полным хозяином почти всей Азии. И она решилась произвести шанхаизацию Китая. Она начала с шанхаизации международного права, показав миру трудящихся, что **при капитализме только сила является правом**, что всякий договор имеет силу только тогда, когда за ними стоят пушки, аэропланы и штыки. Япония насмеялась над лицемерным благочестием Лиги Наций (Лиги Империалистических Разбойников) и над всеми протестами отдельных стран и уверила их, что она не собирается отнимать у них, принадлежащую им порцию китайского мяса, что она бьет китайцев за себя и за них. Что она войны не ведет с Китаем, а лишь учит его, что с непрошенными гостями, бьющими посуду в доме хозяина, надо обращаться вежливо, что она учит Китай христианской морали европейцев, по которой бьющему по щеке нужно подставить вторую. Ободренная захватом Манджурии, бессилием Лиги Наций и поддержкой Англии и Франции, расходившаяся вооруженная банда Японии потребовала от Китая прекращения бойкота и эвакуации китайских войск из китайского города. Сделав вид, что она, якобы, не получила желательно-

го ответа, Япония атаковала мирный цветущий город с суши, с моря и с воздуха. Снарядами, бомбами, шрапнелью и пулеметами японские войска перебили десятки тысяч мирного населения. Китайский Шанхай и его окрестности превращены в груду развалин, земля залита невинною кровью китайцев, их жен и детей и удобрена их трупами.

Страж мира, Лига Наций, ищет определительной юридической формулы тому, что совершается в Китае — война это или вооруженное вмешательство в защиту попранных прав японской буржуазии? В Лиге продолжают думать, дипломаты строчат протесты, а в Шанхае льется, своим чередом, невинная кровь. Конечно, всего этого не было бы, не было бы столько лицемерия и ипокритства, если бы в данном вопросе интересы Англии и Франции не расходились с интересами С. Штатов; если бы не это расхождение интересов, Японии давно было бы сказано: «стой!» И Япония остановилась бы, как остановилась от захвата Сибири в дни колчаковщины. Пока шла дипломатическая борьба Соед. Штатов с Англией, Япония продолжала свое грабительство и умножала убийства. Но доблестное сопротивление китайцев под Шанхаем, рост китайского национального самосознания, все увеличивающаяся наглость японской милитаристской клики содействовали успеху американской дипломатии, Англия вынуждена уступить, а вслед за нею на попятную пойдет и Япония. Война будет отсрочена, но не будет устранена.

Шанхаизация японцами международного права есть лишь перенесение национальной шанхаизации прав трудящихся буржуазией на международную арену. Буржуазия каждой страны в основу права кладет силу. Прекрасные конституции, написанные для народа, как, например, Советская конституция, проводятся в жизнь только тогда, когда господствующий, правящий класс еще не чувствует себя достаточно сильным, чтобы безнаказанно хозяйничать в стране. Но как только он начнет чувствовать в себе эту силу, конституции сдаются в архив, до будущей революции, а в действие приводится административный и карательный аппараты. Этот вот принцип господствует и в межнациональных отношениях. «Неофициальная война» Японии против Китая очень ярко иллюстрирует нашу мысль.

Япония нарушила искусственное равновесие и теперь начнется бешенное вооружение. Япония подчеркнула, что мировая бойня неизбежна, поэтому, чтобы не опоздать, мир начнет еще более лихорадочно вооружаться. Вооружение вызовет большие налоги, т. е. еще большую нищету трудового населения и еще большее обогащение буржуазии; война ввергнет трудящиеся классы в пучину безбрежной нищеты и политического бесправия, буржуазии же даст сказочную роскошь и невероятную диктаторскую власть.

Предотвратить весь этот ужас может только интернациональное солидарное революционное действие пролетариата. Эта солидарность еще слабое средство, но она единственное наше спасение и мы должны ее воспитывать, укреплять и усиливать. Работа в этой области облегчается тем обстоятельством, что наши идеи, идеи анархии и коммунизма в разных формах и в разных проявлениях распространились уже по всему лицу земного шара, нам нужно только сплотить носителей этих идей и сообща вести пропаганду **за всеобщую мировую экономическую забастовку против мировой войны.** Будем же укреплять интернациональную пролетарскую солидарность!

Г. Максимов.

СВОБОДА ДЖОНСУ И ГАЙТАУЭРУ!

Случилось так, как мы предполагали в прошлом номере нашего журнала: В. М. Гайтауэра постигла судьба В. Б. Джонса — слуги угольных королей приговорили его к пожизненному заключению. Мы целиком присоединяемся к призыву Индустриальных Рабочих Мира начать кампанию за освобождение осужденных и в свою очередь призываем наших товарищей принять самое активное участие в этой кампании.

Нужно повсюду, где только возможно, поднимать вопрос об освобождении осужденных кентокских углекопов — на собраниях, митингах, групп. собеседованиях и в частных разговорах. Нужно работать по сбору подписей и подаче петиций, которые следует **направлять на адрес губернатора Laffoon, Franfort, Kentucky.**

Граждане Кентоки уже собирают подписи под петиции, в уезде Гарлан уже собраны тысячи подписей. Это же должно делать по всей стране.

Нужно заставить капиталистов освободить своих пленников.

Требуйте немедленного их освобождения!

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И НАША ПРОГРАММА.

Сомременное положение в области социальных идей определяется, обычно, как кризис всех идеологий, существовавших в до-военную эпоху, как крушение всех партий и всех партийных программ, в те времена существовавших. Теперь, говорят нам, нужно нечто совершенно новое; все эти старые идеалы и старые пути устарели. Правда, новых идеалов и новых путей нам не показывают, а если и показывают, то в них легко бывает узнать нечто гораздо более старое, чем те, столь хулимые до-военные идеалы, которые хотят заменить. «Новое» оказывается, в сущности, возрождением давно прошедшего, которое считалось лет 20 тому назад безвозвратно канувшим в вечность. Это не значит, конечно, что за эти годы ничто не изменилось и что теперь можно и достаточно говорить тем же языком, каким говорили в начале этого века или в конце XIX-го. Современная наша эпоха не дала пока, в области передовых общественных идей, ничего действительно нового; но она ставит **старым** идеям, **старым** миросозерцаниям новые требования, новые задачи. Дать ответ на эти новые требования и задачи каждое общественное направление **обязано;** если оно этого не дает от него отворачиваются как от практически непригодного, к жизни неприложимого. А это, в момент ломки старой жизни и строительства новой, — самое большое осуждение.

Теоретическое миросозерцание анархизма было выработано и формулировано в эпоху, когда социальная революция и уничтожение существующего строя были возможностями более или менее отдаленного будущего. В то время достаточно было, поэтову, твердо установить исходные точки и наметить в самых общих чертах пути. Теперь момент осуществления придвинулся к нам — придвинулся настолько, что построение положительной программы, предлагающей определенные решения для задач, которые ставит жизнь, становится необходимостью. Какого рода эти задачи? Их можно свести к трем категориям: задачи экономического, политического и морального — бытового характера.

Центр тяжести лежит, главным образом, в задачах **экономических: они** стоят в центре общественного внимания и именно **их** разрешение составляет историческую миссию нашего времени. Кроме того, от ответа на вопрос экономической организации общества зависит в значительной мере и решение вопроса политического и обще-культурного характера. Всемирный острый экономический кризис показывает, что капиталистический строй—частью в своем естественном развитии, а частью благодаря экономическим пертурбациям, связанным с войною, — привел к такому абсурдному положению, которое делает дальнейшее существование его невозможным. Характерное для него раз'единение между производством и потреблением достигло теперь крайней степени: с одной стороны множество продуктов всякого рода, которые не знают куда девать и просто уничтожают, а с другой — миллионы безработных, людей без хлеба и без крова, жизнь которых эти продукты могли бы обеспечить. Но одно не сходится с другим, и богатство становится парадоксальным образом новым источником безработицы и нищеты. При таком порядке вещей, можно только удивляться, что существующий строй еше держится и что голодающие массы не вырвали до сих пор из рук захватчиков все эти богатства. Но это — лишь вопрос времени. Веры в те, что капитализм имеет какое-то право на существование больше нет в массах; нет больше— особенно после русской революции — и страха перед его силою и непобедимостью. Дни существующего экономического строя, поэтому, сочтены— и в силу причин исторических и экономических, и в силу изменившейся психологии угнетаемых им классов. Но какой порядок придет ему на смену? Дает ли удовлетворительный ответ на этот вопрос та попытка построения нового общества, которая происходит на наших глазах в России? В сущности, программа, проводимая большевиками, не так радикальна, как обычно кажется; наоборот, она вносит в экономический порядок, особенно в организацию промышленности, лишь очень поверхностные изменения: та национализация средств производства и всех наличных общественных богатств страны в руках государства, которая в России считается строительством социализма, в сущности представляет собою только иную форму, государственную, капитализма. Государство является одним, всемогущим хозяином - капиталистом, держащим в своих руках миллионы наемных рабочих и служащих — все население. Труд от такого перемешения капитала далеко не становится более свободным: пе-

ременить хозяина рабочий не может, бороться с ним тоже не может, п. ч. в руках хозяина не только экономическая, но и политическая, и административная власть. Забастовка — главное оружие рабочей борьбы в капиталистическом строе — карается, как политическое преступление; профессиональный союз — естественный защитник рабочих интересов — превращается в официальное учреждение и служит интересам всемогущего хозяина, а не рабочего. Все это очень далеко от той картины положения трудящихся, которую мы привыкли связывать с представлением о социалистическом обществе. А за последние годы к этому присоединилась еще насильственная коллективизация крестьянства, в сущности представляющая собою грандиозную операция отнятия у крестьян земли (которую дала им революция) и обращение их в пролетариев — наемников, согласно упрощенной марксистской схемы. Прибавим, что ценою этого угнетения трудящегося населения даже не куплено экономическое благосостояние **его:** самые насущные, элементарные потребности масс остаются не удовлетворительными.

В области **политической** наблюдается довольно парадоксальное явление. Разочарование в парламентском строе и в той фикции народного представительства, на которой он основан, широко распространено в странах парламентского режима. Силы финансов и банков, работающие за кулисами политических учреждений, стали так громко и открыто заявлять о себе в последние годы, что ни у кого не остается иллюзий относительно честности и искренности политической игры правящих классов. О «кризисе парламентаризма» говорят все — и на разные лады. Но в каком направлении ищут выхода? Как это не странно, но политическая мысль идет не вперед, а назад: не к развитию самоуправления и федеративных начал, не к ограничению полномочий власти, а, наоборот, к усилению власти, к различным формам диктатуры, от фашизма справа до большевиков слева. Это обесценение тех свобод, которые народы завоевали себе ценою ряда революций, ценою своей крови, коренится отчасти в привычках, созданных войною: когда в течение 4-х лет почти вся Европа была превращена в военный лагер, это не могло не отразиться на общественной психике. Но режим диктатуры — не ответ на вопрос: какая политическая форма призвана заменить отживший и разложившийся парламентский режим?

Тем же духом проникнуты и те изменения, которые происходят на наших глазах в области пониманий **нравственных** и **бытовых.** Война, диктатура справа и слева, экономические организации типа «военного коммунизма», попытки «социализации быта» в России — все это приводит к обесценению личности, к отрицанию всяких прав ее, к все более полному поглощению ее коллективностью. Общество — все, личнсть — ничто. Одни во имя патриотического долга, другие во имя интересов «пролетарского государства» приносят в жертву все ее запросы и потребности. Уже XIX-му веку, боровшемуся за все более полное и всестороннее освобождение личности, противопоставляют век XX-ый, век торжества коллектива: но может ли человечество с этим помириться? Может ли личность, уже раз раскрепощенная умственно и сознавшая свои права и запросы, согласиться на возврат к духовному рабству? Может ли она, раз проснувшись вновь заснуть? Очевидно, нет, и очевидно, что на очереди стоит выработка таких общественных форм, в которых свободное развитие личности примирялось бы с интересами общества. Это — работа, которая анархистам ближе, чем кому бы то ни было, они необходимо должны внести в нее свою долю.

Таковы стоящие перед нами — как и перед всею общественною мыслью мира — вопросы. Какие же ответы может дать на них анархизм?

К какой бы области жизни мы не обратились, мы должны прежде всего помнить нашу основную исходную точку зрения: общество — естественная и необходимая форма жизни людей; без него челевечество не могло бы существовать и развиваться: но общество должно **служить личности,** а не требовать **себе** служения. Реальное существование имеет только личность, и мерило ценности всякого общественного строя — в том, насколько он обеспечивает материальное и духовное благосостояние и развитие его членов. И если каждая личность может жертвовать собою ради блага человечества, то никакой коллектив, никакая общественная организация этой жертвы требовать от нее не имеет права. И экономические, и политические формы имеют значение и представляют интересы только в свете того, что они дают составляющим общество личностям.

Какие же ответы подсказывает нам этот основной принцип на поставленные вопросы? Само собою разумеется, что мы не

можем предвидеть ни когда,ни в какой степени, явится возможность осуществле ния наших стремлений, ни какова будет в тот мемент окружающая обстановка. Мы, поэтому, и не имеем в виду построение каких-нибудь подробных программ. Но что можем и должны обдумать, это те **общие линии,** по которым должна идти деятельность анархистов в любой момент и в любой исторической обстановке.

В области **экономической** наши взгляды группируются вокруг двух центральных идей: 1° организовать производство так, чтобы оно служило удовлетворению потребностей т. е. подчинить его нуждам потребления, и 2° освободить труд, уничтожив его наемный характер и связанное с этим наемничеством разделение общества на рабочих и работодателей (или на единственного работодателя, каким является государство в схеме государственного социализма, и массу целиком подчиненных ему служащих). Путь, который намечается к этому в настоящее время, это — передача **заведования** производством в руки союзов производителей; таким союзом могут сделаться (и, вероятно, сделаются) современные профессиональные рабочие союзы, с присоединением к ним всякого рода техников, специалистов и, вообще, работников умственного труда. Между различными видами труда мы не видим основания устанавливать какую-бы то ни было иерархию, и труд физический и труд умственный мы ставим во всех отношениях на один уровень, не признавая никаких привилегий ни за тем ни за другим. К тому же в дальнейшем ходе общественного технического развития это деление труда на две категории вообще должно мало по малу исчезать.

Раз профессиональные рабочие организации призваны взять в свои руки производство после экспроприации капиталистов, то подготовка их теперь же к этой будущей роли — подготовка идейная и подготовка техническая — является самою насущною задачею. Поэтому все, что так или иначе может содействовать этой подготовке, как, напр., рабочий контроль, расширение экономических и профессиональных знаний, накопление статистических материалов в этой области и т. д. заслуживает с нашей стороны самого серьезного внимания. Затем существует один, очень трудный, вопрос, который неизбежно встанет при всякой попытке организации производства «на другой день» после революции: это — вопрос о том, какими путями увеличить **производительность** труда. Ведь если в современном обществе существуют «излишки», то очень возможно, что эти «излишки»— кажущиеся, что все эти «излишние» продукты просто недоступны для нуждающихся в них. Революционное же общество, которое первою своею задачею поставит сделать все наличные богатства доступными **для всех**, по всей вероятности, вовсе не окажется черезчур богатым, тем более, что в первый период, в момент острой борьбы и ломки, а может быть и гражданской войны, правильный труд может приостановиться, и много богатств может погибнуть. Поэтому, когда производство наладится, оно должно будет идти интенсивно. Что может быть сделано для этого? Начнем с того, что не может быть сделано: это расчистить почву. Прежде всего, решительно и безоговорочно должны быть отброшены все те меры, к которым прибегает с этою целью в России единственный и всеобщий работодатель — государство: прикрепление рабочего к профессии или к предприятию, соревнование и ударничество, премии и награды за высшую производительность труда и дисциплинарные взыскания за низшую и т. под. Все эти меры — пережитки старой, даже не капиталистической, а крепостной, рабской и рабовладельческой психологии, с которою революция должна раз-навсегда покончить. Этим, давно устаревшим и развращающим приемам мы противопоставляем необходимость **прежде всего** охранить и поднять достоинство человеческой личности, которое беззастенчиво приносится в жертву такими мерами. Даже если бы они были действительно целесобразны и практичны, мы и тогда отвергли бы их; но, кроме того, все, что мы знаем о процессе человеческого труда, говорит нам, что свободный труд производительнее принудительного, что психология работающего — существенный фактор производительности труда, что его независимость, его спокойствие, его интерес к работе действительнее всяких мер внешнего воздействия. Если современная педагогия отвергает всякие награды и наказания по отношению к детям, если даже в дрессировке животных начинают понимать вред насилия, то как может какая бы-то ни было партия, считающая себя представительницею и защитницею рабоч. класса, прибегать к таким мерам по отношению к тем самым трудящимся, которых она на словах возносит на высоту?

Тоже можно сказать и о **рационализации:** она полезна и допустима постолько, посколко ее создают сами трудящиеся и в пределах **ими** определенных в противном случае, она должна быть отвергнута, даже если бы она давала экономически-блистательные результаты в смысле накопления богатств. Точно также и пресла вутая индустриализация, которой в России в настоящее время приносят в жертву самые насущные интересы населения: ведь открыто провозглашается, что население должно голодать и нуждаться в самом необходимом ради того, чтобы в будущем Россия стала промышленною страною. «Перегнать Америку!» — лозунг, кажущийся просто хвастливым, но не это важно: важно то, что если в Америке (да и повсюду в капиталистическом мире) колесница промышленности в своем быстром беге вперед всегда давила безчисленные жертвы, то это — последний пример, которому может подражать общество, строющееся под лозунгом социализма.

В этой же плоскости ставится еще один вопрос громадного значения. Это — отношение между городом и деревнею. Мы знаем, как неудачно был этот вопрос решен в России, начиная с продразверстки эпохи военного коммунизма и кончая массовой насильственной коллективизацией наших дней. За это легкомысленное (или доктринерское, решение революционная страна поплатилась голодом 1921 года и платится теперь неисчислимыми бедствиями в крестьянском населении и тяжелою нуждою в городах. Нечего и говорить, что анархизм в корне отрицает такие пути: насильственную борьбу он признает только с эксплуататорами чужого труда; крестьянин же, сам обрабатывающий свою землю, как и ремесленник, как и кустарь, — такие же трудящиеся в его глазах, как работники фабрично-заводского труда. Как ни чужда социализму психология мелкого собственника, как не убежден всякий социалист в преимуществах— и моральных и материальных — общественной собственности и общественного труда, он не имеет права навязывать свой идеал силою тем, кто еще не дорос до него. Торжество полного коммунизма мы ждем от пропаганды, от примера, от естественного хода развития. Пусть коммунистическое хозяйство на земле будет во всех отношениях образцовым—и мелкий собственник сам придет к нему. Путь разорения крестьянства и насильственного насаждения коллективных хозяйств, уже не говоря о тех страданиях, которые с ним связаны, только возбуждает ненависть к коммунизму и отдалит его торжество.

М. Корн.

(Окончание следует).

НОВОЕ ЗЛОДЕЙСТВО БУРЖУАЗИИ.

Группа писателей во главе с Вальдо Франком, Мэри Гитон Ворс и редактором **"Living Age"** Квинен Гоу отправились в Пайвиллэн, Кентоки, с транспортом продовольствия для голодающих углекопов.

Эта группа была перехвачена шайкой, состоявшей из элементов средней буржуазии Пайнвиллэн. Шайка потушила огонь в вагоне, вытащили Вильда Франка и Аллена Тауба и избили их. Все это проделалось под прямым согласием и одобрением руководящих граждан Пайвиллэна до городского головы Ж. М. Брукса включительно. Эта теплая компания потом изобрела невероятную ложь, что Франк и Тауб подрались между собою и поранили друг друга.

Эта же шайка буржуазных головорезов убила молодого углекопа Гарри Симса.

Юноша, услыхав о прибытии вагона продовольствия для углекопов, во главе группы безработных отправился в Пайнвиллен в надежде получить некоторую долю продовольствия для своих семей. На пути к вагону их встретила шайка «уполномоченных», которая вслед им начала свистать, потом один из этой шайки, Арлин Миллер, без всякой причины выстрелил в Симса, ранив его в живот. Раненный лежал, обливаясь кровью, в течении часа без всякой помощи.

Как в деле избиения Франка и Тауба, кентокские «джентлемены» уже изобрели ложь, что Симс вышел из поезда и направил ружье на этих убийц.

Убийца Симса был немедленно освобожден под залог в 300 долларов. Нет сомнения, что над ним будет произведен фарсовый суд и он, как Билл Рендолф, убивший углекопа выстрелом в спину, будет освобожден компанийским судьей в течении пятнадцати минут.

Наконец, после всего этого, режимом террора в Кентоки заинтересовались парламент и санат. Но мы же знаем — рука руку моет... Пролетариату необходимо иметь революционную массовую организацию, с ней будут считаться больше, чем с **сенатом и конгрессом.**

ПОЛИТИКА ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Международное Товарищество Рабочих было учреждено в 1922 году, в момент кризиса внутри рабочего движения разных стран. Тень русского пробудившегося гиганта висела над мировым капитализмом. И, не смотря на то, что советское государство ясно уже обнаруживало неизбежность разрыва между ним и русским пролетариатом, мировой рабочий класс, и в особенности его левое крыло, продолжал еще считать экономическое развитие СССР частичным осуществлением своих освободительных порывов.

Красный Интернационал Профсоюзов, созданный за год раньше Российской Коммунистической Партией, втягивал в сферу своего действия революционно-синдикалистское движение целого ряда стран. Франция, Испания, Италия были представлены на его первом с'езде. Царила еще возможность сотрудничества синдикалистов государственников и централистов с синдикалистами анти-государственниками и федералистами.

Тщетно. Уже с 1921-го года сознательная часть рабочего класса вполне отдавала себе отчет об империалистических и захватнических планах большевизма. Она предчувствовала гнусную роль, которую Советское Государство *будет* играть в деле развития социалистических и безгосударственных идей во всем мире. И она уже уясняла себе, что лишь организация действительно революционных сил сможет одновременно и затормозить диктаторскую развращающую деятельность ленинских вождей, и придать новые силы и новую бодрость мировому пролетариату в его борьбе против капитализма и против большевизма, против белого государства и против красного государства, ставшей более чем когда либо ожесточенной.

Международное Товарищество Рабочих, рожденное под непосредст. влиянием бакунистского Интернационала, имело своею непосредсвенною целью об'единение в один крепкий союз всех революционных элементов рабочего движения всех стран. Если принять во внимание разнородность идеологических течений, перекрещивающихся в недрах федералистского рабочего движения — от чистого, самодавлеющего синдикализма до невменяемо-догматического анархизма, — разнородность методов борьбы, проповедуемых в разных странах, различия организационных систем рабочих союзов и диаметрально противоположные темпераменты их работников, то задача об'единения была тяжелой и сложной.

Этот первый период внутренней организации М. Т. Р. можно считать теперь почти законченным.

Нет страны, в Европе или в Америке, где бы идеи, провозглашаемые М. Т. Р., не пустили корней; в большинстве стран существуют секции нашего Интернационала, которые развиваются и расширяются.

Если-же в некоторых странах диктатура и задушила всякую революционную деятельность, то это лишь вопрос времени. При первом-же мерцании восходящей зари, снова востановятся задушенные организации М. Т. Р. в Италии, Португалии, в республиках Южной Америки, и создадутся новые, преданные принципам безгосударственности и федерализма, там, где таковые до сих пор были невозможны, как в России или в Польше, например.

М. Т. Р. — организация независимая от политической партии, несвязанная ни с одной из них, борящаяся против их всех. Оно провозглашает своей конечной целью свободное коммунистическое общество, развивающееся на основах анархического федерализма. Одновременно с этим М. Т. Р. провозглашает, что мировой **рабочий класс должен, сегодня-же, взяться, помимо осуществления немедленных требований, касающихся улучшения нынешних условий труда и быта, за осуществление своих конечных целей путем разработки политической, экономической и социальной системы, долженствующей, на-завтра после падения старого строя, заменить Капитализм и Государство и уничтожить экономическую эксплоатацию, политическое, религиозное и социальное угнетение.**

В виду этого ясного и точного положения, не оставляющего места для недоразумений, отношение М. Т. Р. к остальным международным рабочим движениям становится не менее ясно и точно: в борьбе за немедленное улучшение труда, в целях наибольшего успеха, соглашения и совместные действия с международными, национальными, областными и местными организациями, возможны и желательны.

Правда, даже в области этих частичных улучшений, М. Т. Р. и его национальные секции наталкиваются на узкий и отживший реформизм других рабочих организаций, в первую очередь т. н. «амстердамских» союзов. Так, например, на Льежском с'езде 1928-го года М. Т. Р. выдви-

нуло лозунг немедленного проведения шести часового рабочего дня. Такое требование, ценность которого, вероятно, гораздо большая, чем борьба за восьми-часовой рабочий день, начатая полвека тому назад, лишь теперь начинает рассматриваться реформистами без иронической улыбки; но увы, они это делают не столько под натиском об'единяемых ими рабочих масс, сколько под давлением все более возрастающей безработицы и того факта, что даже среди капиталистов этот вопрос, (с обычными оговорками, которыми капитализм всегда старается себя обезпечить) начинает становиться жгучим вопросом сегодняшнего дня.

В своей международной деятельности, М. Т. Р., несмотря на свою готовность принимать участие в об'единенных действиях всех рабочих фракций мирового социализма, считает невозможным какое бы то ни было принципиальное соглашение с «Амстердамом» и еще менее с «Москвой», нео-капиталистические замашки которой мало считаются с требованием своего пролетариата, который она, якобы, представляет.

Еще менее М. Т. Р. надеется на то, что рабочие организации реформистского и большевистского толка предпримут революционное действие для проведения социальных мероприятий, неизбежно ведущих к свержению капиталистического режима и к падению централистского государства.

Как бы М. Т. Р. не было слабо в цифровом отношении, оно должно ставить теперь перед собою вопрос о выполнении второй задачи: перенести идею социальной Революции из области мифа в область реальной действительности.

Другими словами — М. Т. Р. должно выработать, в полном согласии с его национальными секциями и под прямым их влиянием, на основании их практических указаний, общий план экономического, политического и социального переустройства существующего строя.

Нынешняя экономическая неразбериха, является прямым результатом замешательства в рядах мирового капитализма, пасующего перед многогранными задачами, разрешение которых ему не по силам, предоставляет все возможности той революционной организации, которая **захочет** приступить к созидательной работе. Нет неразрешимых социальных задач, если, в основе принципа, призванного к их разрешению, будет лежать идея самоорганизации, личной и коллективной свободы и анти-авторитарного федерализма.

М. Т. Р. — единственная рабочая организация, основанная именно на этих краеугольных камнях свободного социализма. Она является, таким образом, единственной организацией, которая в состоянии предпринять дело переустройства.

Каковой же тогда должна быть политика Интернационала по отношению к жизненным вопросам, стоящим сегодня перед всем миром и, в особенности, перед рабочим классом?

Эта политика должна состоять в изучении, во всех его деталях, нынешнего механизма земледельческого и промышленного производства, обмена и распределения продуктов. Она должна расчистить путь для вмешательства рабочих органов в процесс производства путем создания контрольных аппаратов на фабриках и заводах, в мастерских, в конторах и в земледельческих единицах (фермах, имениях и т. д.).

Основываясь на данных изучениях этих вопросов, создать революционные кадры нового социального строительства, — ударные экономические отряды которые, назавтра после провала капитализма, смогут **практически** приступить к организации новой системы социальных взаимоотношений, могущей — благодаря вышеуказанным основным принципам, — об'единить весь трудящийся люд, который ничего лучшего не захочет, как работать на благо всех, не приостанавливая, в какой бы то ни было мере, рост своего собственного благополучия.

Эта политика М. Т. Р. не столько политика его Исполнительного Комитета или его Секретариата, сколько политика проводимая революционными рабочими организациями каждой страны. Критическое положение, в котором каждая страна находится в настоящее время, затруднения ее охватившие, ставят перед нею вопрос строя и режима, и это обстоятельство требует от революционного движения той или иной страны смелых, героических решений и практического их приложения.

Что-же касается до исполнительных и координирующих органов М. Т. Р., то их долг — об'единить всю работу, все эти возможные попытки социальной организации, все эти наброски экономических решений в одно целое и представить это международному пролетариату в форме широкой программы социального переустройства, необходимыми предпосылками которого являются всеобщая забастовка и социальная революция.

М. Т. Р. может и должно предпринять эту работу. Оно сможет ее довести до ус-

пешного конца, подобно тому как оно могло успешно провести слияние истинно-революционных элементов всего мира. К тому-же такая программа действия и социального переустройства неизбежно оживительно воздействует и на ту часть рабочего класса, которая находится еще под влиянием политиканов из реформистского и диктаторского лагерей.

Великое дело Международного Товарищества Рабочих лишь начинается. Это дело нуждается в поддержке не только всех национ. секций и об'единений, но так-же и всех элементов, проникнутых анти-государственным и федералистским духом и, в первую очередь, революционных анархистов. С такой поддержкой М. Г. Р. будет в состоянии провозгласить свою программу действия и строительства, о которую разобьются все реакционные силы буржуазного и марксистского капитализма.

А. Шапиро.

ДВА КОММУНИЗМА.

Русская революция не пошла путями, указанными П. Кропоткиным, и русский народ вот уже целых четырнадцать лет пребывает под кошмарным гнетом диктатуры марксистов-большевиков.

В России теперь нет даже тех, сравнительно жалких, свобод, которыми мы пользуемся в буржуазных странах: там нет ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы собраний — все это сурово преследуется, преследуются там и идеи Кропоткина, как коннт-революционные.

В С. С. С. Р. нет ни народной, ни личной иницативы, большевики практикуют те губительные методы, которые мучают рабочих и разоряют дотла крестьян, методы, против которых Кропоткин боролся всю жизнь и несостоятельность которых доказал научным образом.

Плох тот рай, в который загоняют дубиной, а большевики в свои колхозы гонят крестьян более сильным средством, чем дубина.

Кропоткин пишет в послесловии к «Речам Бунтовщика»: «мы вполне признавали, что личная собственность на землю отжила свой век, и что будущее принадлежит коммунистическому землевладению. Но мы считаем несправедливым и ненужным выгонять из их участков крестьян, обрабатывающих землю своим трудом, без наемных рабочих, ломать их дома и загородки, рубить их сады и перепахивать их участки паровым плугом, как об этом мечтали революционеры- централисты и государственники».

Эти идеи до современного большевизма проповедывал Бабеф в 1795 г., затем Кабэ, Барбэс и Бланки, впоследствии эти идеи были взяты Карлом Марксом и Энгельсом для «Коммунистического Манифеста», теперь же эти идеи насильственным образом насаждаются большевиками в России.

Кропоткин же, наоборот, построил коммунизм на анархических началах, на нуждается в поддержке нетолько всех его чалах свободы, т. е. безвластия, где нет няющая его организацией, построенной на идеях Кропоткина. 14 лет практики гоместа ни помещику, ни государственному чиновнику, ни совершенно бесправному государственному батраку и рабочему, которые лишены права распоряжаться не только продуктами своего труда, но даже и своей личностью.

Таким образом, в то время как марксистский коммунизм является обезличиванием человека, низводит его на степень рабочей скотины, коммунизм Кропоткина, построенный на основах анархии, центром своих забот считает человеческую личность: личность имеет огромную ценность и каждому человеку дается возможность развивать все свои хорошие способности до наивысшего предела. Уважение человека и его человеческого достоинства стоит на первом плане.

Кропоткин оставил нам замечательный набросок примерного построения общества на разумных началах—книгу «Хлеб и Воля». В этой книге рассматриваются все стороны человеческого быта и к решению всех вопросов привлекается свободная инициатива свободных людей; здесь нет места власти, государству и чиновнику, а если нет места государству с оравой его служителей, ответственных только перед начальством, то нет места и несправедливому распределению продовольствия, квартир и всего прочего, потому что несправедливость могут творить только имеющие власть. Доказывать непригодность государства, (всякого: буржуазного, социалистического и коммунистического), как формы организации общества, теперь нет надобности, достаточно сослаться на опыт России, где по «научному социализму» 14 лет уже строят общество, а население до сих пор пребывает в самой ужасной нищете. А почему? Потому, что там существует власть человека над человеком; власть же есть сущность государства, следовательно, чтобы избавиться от этого— один выход: социальная революция, сметающая государство с лица земли и заме-

сударственного коммунизма в России впол не доказали правоту учения Кропоткина и неспособность марксизма построить справедливое равенственное общество.

Пролетаризирование населения — самый плохой метод. Обатрачивание крестьянства, проводимое сейчас большевиками в более жестокой форме, чем в старое царское время, ставит батрака в условия полной зависимости от единственного кулака, — от государства, государства - кулака, государства - помещика, которое, приняв форму диктатуры, не отличается от деспотии. Для батрака и рабочего больше нет выбора хозяина, остался один хозяин: хозяин жестокий, всемогущий, — государство-кулачище, у которого многомиллионный батрак и рабочий становится просто рабом.

Мы не жалеем прошлого, мы прекрасно знаем цену капиталистическому прошлому России; наоборот, мы стремимся к углублению революции, а углубление революции, по нашему мнению, есть новый переворот, новое потрясение буржуазного и марксистско-большевистского строя; будущая революция примет не однопартийную форму, а массовую, всенародную, где постройка нового безвластного общества будет происходить при свободном участии всего трудового населения страны. Только такая революция будет победоносной и выигрышной. Восставшее трудовое население, пользуясь свободой инициативы, сумеет гораздо лучше и скорее наладить жизнь, чем какая бы то ни была диктатура, ибо диктат—власть, а проявление даже малейшего признака власти есть проявление реакции, попытка преградить путь революции и помеха построению свободного общества.

Конечно, есть много трудных вопросов, которые не так легко разрешить. Вопрос о хлебе будет первым и главным вопросом революции. Как быть восставшим городам, которым грозит голод? Властнические организации решают этот вопрос легко: нет хлеба в городе — он есть в деревне, пойдем и возьмем силой. Так действовали и действуют большевики: реквизиция, продразверстка, продналог проводились в жизнь при помощи «нагана». Само собой понятно, анархисты не могут применить такой метод грабежа нищего крестьянства. П. Кропоткин дает ясный ответ на поставленный вопрос, он говорит в «Реч. Бунтов.» следующее:

«Перестройка общества на социалистических началах будет невозможна, пока фабричная, обрабатывающая промышленность, а, следовательно, и благосостояние фабричных рабочих будет строиться, как они строятся теперь, на эксплоатации крестьян».

Вывод один — продовольственный вопрос только тогда правильно может быть разрешен, когда революционеры и городское население поймут, что в первый же день после революции необходимо заняться организацией земледельческих артелей и общин в целях обработки полей и прилегающих к городам земель. Кропоткин рекомендует даже распахивать городские парки, если это понадобится. Одно время большевики пробовали применить эти идеи Кропоткина (огороды заводских рабочих), но делалось это чиновничьим порядком и обрабатывающему доставались жалкие крохи его труда, львиную же долю забирали чиновники и у рабочих отпала охота: к чему и для чего трудиться для каких-то дармоедов чиновников? И хорошее полезное начинание умерло от ядовитого дыхания государства. При принудительном порядке не может быть энергии к труду, а лишь апатичное выполнение навязанной обязанности.

Тоже самое можно сказать и об обработке земли вообще. Многие, очень многие стремились в России сесть на землю, но большевики прикрепили их к пустым заводам и для прокормления прикрепленных стали грабить крестьянство, а оно в ответ стало работать апатично, перестало засевать все поля. Большевики, чтобы поднять дух ограбленных крестьян, обещали им трактор, а на деле не могли дать топора, пилы, серпа, косы, в которых мужик нуждался; он требовал себе хоть напильника, гвоздя, а большевики начали строить автомобили, от которых ни рабочему, ни крестьянину пока не может быть никакой пользы.

Голодный человек не способен к творчеству. Ни один человек не был бы способен к творчеству, когда его, как русских рабоч. и крестьян, какбы нарочно, заставляют голодать. Только свободный человек может творить, ибо он в первую очередь позаботится о производстве того, что избавляет его от голода, холода, страданий и дает силу для строительства тех отраслей производства, которые могут дать ему удовлетворение более высших его потребностей, чем естественная потребность в хлебе, одежде и жилище.

Будущее общество должно строиться на основе экономического учения П. Кропоткина, которое ведет нас к свободному, анархическому коммунизму, где нет места для грабежа одних другими, как в социалистическом государстве. **Новик.**

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АНАРХИЗМ И КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВО.

(Окончание).

Все, что сказано о германской социал-демократии, можно еще с большим правом применить к нашим «культурникам». Ибо немецкая социал-демократия все таки увязывала свою культурную работу с повседневной борьбой рабочего класса, пусть и мелкой по размаху, лишенной великих перспектив, но втягивавшей среднего рабочего, стимулировавшей и будившей его; наши же культурники совершенно вырывают культурную работу из повседневной ткани интересов, которыми проникнута жизнь среднего рабочего, возводя ее в ранг первостепенной насущнейшей потребности, затмевающей в глазах масс все остальное. Иначе говоря, они третируют их как школьников, впадая в ту же слепоту, которой страдают многие интеллигенты в своем отношении к народу. Раз последнему не достает школьных знаний, то его приравнивают к детям школьного возраста. В некоторых американских кругах интеллигенции очень любят щеголять разными эпитетами по адресу народному, избитыми фразами, что вот народ, мол, по своему умственному уровню не выше четырнадцатилетнего мальчика. Горе тому движению, которое попадает в руки зачванившихся педантов! Взрослый человек, как бы темен и отстал ни был, — не школьник: у него уже имеется накопленный житейский опыт и жизненные уроки ему гораздо глубже западают в душу. Его великая напряженность гораздо более интенсивного порядка и учится он новому совсем по иному. Его психика менее пластична, чем у ребенка, и, до известной степени, она закрыта для новых идей и воззрений, поскольку они не связываются с его личным опытом, поскольку в нем не пробуждена творческая активность. Только глубокая встряска, личное столкновение с обнажающейся действительностью могут вывести его из застоявшегося круга сложившихся взглядов, привычек, психических реакций; но раз такая встряска произошла, он начинает самостоятельно переваривать новый опыт, жадно начинает тянуться ко всему, что может пролить свет на последний, часто превращаясь, в чрезвычайно короткое время, из отсталого забитого человека в критически мыслящую личность. Вот в этом и лежит главнейшая задача всех работников на ниве народной: освободить скрытую творческую возможность, разбить народную пассивность, душевную инерцию,—а о последнюю, ведь, главным образом, разбивались героические попытки его освобождения.

В течении своего полувекового существования революционные анархисты и ставили себе эти задачи, всегда выдвигая революционную работу, как необходимую подготовку масс, всегда учитывали громаднейшую роль, которую революционная борьба играет в пробуждении активности масс. Задача перед. меньшинства должна поэтому состоять, согласно революционному анархизму, не только в том, чтобы преподавать со школьной кафедры, а также в том, чтобы толкать передовые массы на самостоятельн. действование, выступать застрельщиками в социальной борьбе, усиливать в нем чувства возмущения и протеста, закалять его волю, и на примерах и уроках повседневной борьбы выработать в нем критическое отношение к окружающему. А попутно, конечно, заниматься и повышением его культурного уровня. В живом процессе творчества новых жизненных форм, борьбы за осуществление такового, народ и приобщается к культурным ценностям, Раз'единить эти два процесса на два самостоятельных, между собой не связанных метода анархической тактики — это худшая форма педантического утопизма. Только усталость и душевная дряблость могут порождать такого рода глухое непонимание элементарных законов народной психики, только трусость, боязливость, робость перед социальной борьбой могут вызвать на поверхность анархической жизни этот выхолощенный идеал культурного реформаторства, разрешения гигантской, проблемы социальной революции преподнесением народным массам культуры по чайной ложечке. Всем этим разговорам о сатанинском облике Российской Революции, как естественном результате народного невежества, всем этим причитываниям и охоньям давно уж пора положить конец —им не место в анархическом движении. Нужно раз навсегда себе усвоить, что выкарабкаться из ужасающей бездны нищеты, варварского одичания народные массы сумеют лишь самостоятельными усилиями, и что на первых порах эти усилия будут носить на себе отпечаток его теперешнего состояния. Наша жизнь трагична, трагическими мо-

гут только и быть попытки ее изменения. Самое рождение нового анархического человека творчески дерзновенного, немирящегося ни с каким гнетом, устремленного волевым упором в будущее, —может совершиться только в процессе трагической борьбы, после многочисленных падений и споткновений, ошибок и промахов. Во всяком случае — не в безмятежной атмосфере народных университетов и лекционных зал.

Но если это непонимание основных начал революционного движения можно до некоторой степени об'яснить и даже оправдать психологической реакцией после-революционного периода, то неразборчивое отношение к подсовываемой культуре, совершенный отказ применить какое либо анархическое мерило для оценки последней, близко подходит к черте, за которой уже начинается прямое отступничество. И поскольку такое отношение проявляется не только новичками, рядовыми анархистами, но людьми занимающими некоторое положение в анархическом движении, постольку мы должны заклеймить это, как настоящий подкоп под анархическое движение, как стремление выхолащивать из него все самостоятельное, живое, свежее, как стремление обезличить и обезценить его.

Анархисты не отрицают приемственности в культурном развитии человечества, им чуждо бахвальство «пролеткультовцев», новой эры в культурной жизни человечества они открывать не собираются. Они не рассматривают культурные ценности, как производные только экономического фактора; для них они имеют самодавлеющую ценность. Но вместе с тем анархисты никогда не отказывались применять собственный критерий по отношению к ним, никогда не разделяли благовейного отношения антиквариев и ревнителей древностей. Не все проявления человеческой культуры имеют одинаковую ценность, а многие вообще таковой не обладают. Анархизм не был бы прогрессивным учением еслиб он все принимал одинаковым образом, еслиб о не выбирал, не судил, не оценивал под углом зрения своих основых начал: свободное развитие человеческой личности и солидаризация интересов всего человечества. Эти начала и должны служить критерием для определения того, должно ли какое нибудь определенное проявление культуры усиленно лелеяться, поддерживаться, усваиваться массами, как **жизненная ценность** или же должна искореняться, как продукт распада и разложения. А такові продукты имеются в каждой эпохе, в каждом из видов творчества, и иногда тесно переплетаются с подлинными ценностями, творимыми великими гениями.

Взять, например, творчество Достоевского. С анархической точки зрения оно представляет громаднейшую ценность в своем глубинном прозревании человеческой души, в своей постановке трагических проблем свободы. Но вместе с тем оно заключает в себе моменты, не мирящиеся не только с анархическим учением, но и с любой либерально-прогрессивной доктриной: ретроградство его политических взглядов, истерически - взвинченный национализм, юдофобство, дикая изуверская ненависть к революционному движению своего времени, к одному из благороднейших порывов в истории человечества. Можно ли принять его целиком, пытаясь усматривать в каждом суждении пророческие прозревания, что проделывалось за последнее время нашими горе-анархистами, вторившим в этом отношении реакционным его истолкователям из белой эмиграции? Или взять, например, Шекспира. О ценности его говорить, конечно, не приходится — даже «пролеткультовцы» на них не посягнули. Однако вместе с гениальными его произведениями, в его творчестве проявляются узость и ограничность Елизаветинской Англии, жестокость и варварство той эпохи, ее предрассудки и предубеждения; превознесение королевской власти, культ аристократии, свирепая ненависть к демократическим движениям английского народа, привели к значительному понижению художественности образов. Эту печать ограниченности своей эпохи носит на себе творчество всех великих людей, а про меньших людей можно сказать, что их творчество только ее и отражает.

Задачей анархического культурного работника и является отделение подлинноценного с анархической точки зрения от преходящего и временного, могущего обладать интересом лишь для историка культуры. Анархическое движение, более чем другое, устремлено в будущее и во имя его оно самым упорным образом борется со многим отрицательным, имеющимся в настоящем и в прошлом, а потому оно не может приветствовать самым неразборчивым образом отражения этого отрицательного в культурной области. Все эти бесконечные попытки идеализации социальных отношений основанных на эксплоатации и угнетении народных масс, — идеализации элементов социального распада и разложения лично-

сти. История человеческой культуры насыщена этим, и только реакционная романтика, обращенная лицом к прошлому, может всем этим умиляться, оценивая все культурные проявления лишь постольку, поскольку они отталкиваются от современной действительности, поскольку от них веет плесенью старины.

К сожалению русская зарубежная интеллигенция, под влиянием тяжелых переживаний, вынесенных ею во время революции, испытывает теперь сильную тягу к такой вот романтике. В своем отталкивании от настоящего, в своей реакции против всех социальных идеалов с установкой на будущее, она склонна предаваться идеализации прошлого, возводить в степень истинных ценностей многие отталкивающие его проявления. Великие прогрессивные традиции, которыми она жила в прошлом, развенчиваются и отбрасываются, как тяжелое наследие, приведшее к катастрофе и гибели. Складывается и формируется новое мировоззрение, кладущее в основу недоверие к человеческим силам, отрицание человеческого прогресса, идеализацию неравенства и господства над массами. Анархисты, поэтому, должны с сугубой осторожностью отнестись ко всему, что исходит оттуда, не отрицая всего огульно, но беспощадно борясь с разлагающейся гнилью, выдаваемой за новые открытия. Во всяком случае не отожествлять себя с ними в идейном отношении, что до сих пор, на удивление всему анархическому миру, проделывалось. (Как на пример, иллюстрирующий необходимость осторожного отношения к тому, что творится сейчас выдающимися представителями русской зарубежной интеллигенции, можно указать на последние работы Ивана Бунина. Во многих отношениях они являются настоящими художественными перлами, вершинами художественных достижений. Но в них безобразными пятнами вкрапливаются его предрассудки и ненависть к революции, к народу, которые понижают качество работ и чистоту художественных образов). Нужно еще принять во внимание, что местная русская интеллигенция, услугами которой пользуются для культурной массовой работы, чрезвычайно бедна силами, что она в большинстве своем состоит из озлобленного обывательства, рядящегося в одежды интеллигентов. В ее рядах большой процент былого офицерства, — (которому всегда были чужды освободительные гуманные традиции русской интеллигенции), — в значительной степени одичавшего и опустившегося во время гражданской войны. По своему культурному уровню, (поскольку последний не измеряется произношением, гладкостью речи и правилами этикета), они стоят гораздо ниже наших передовых рабочих. А между тем, благодаря своему престежу образованных людей, благодаря остаткам былой почтительности к ним со стороны массы, а также благодаря вывихнутости, уродливости в развитии нашего движения, вся эта обывательщина уже успела оказать свое разлагающее влияние на местные массы; и еслиб не здравый инстикт масс, не уроки суровой социальной борьбы, в которую они временами втягиваются, то все следы революционно-воспитательной работы, проделанной в течении десятка лет, были бы стерты.

До некоторой степени их влияние об'ясняется полным отсутствием культурных сил в радикальных группах. Как-никак среди них имеется некий процент людей с высшим образованием, могущих выступить перед аудиторией. Из этого, однако, не следует, что анархисты должны призвать их «володеть и править ими», что делалось до сих пор. Элементарная культурная работа может ими быть проделана под строгим контролем анархистов, но всякая углубленная работа им не может быть доверена, ибо, бессознательно для них самих, они будут протаскивать свои реакционные взгляды и симпатии. А с последними анархисты, — т. е. настоящие анархисты, а не прикрывающиеся лишь анархическим именем, — будут вести непримиримо-упорную борьбу.

В такой борьбе и должен закалиться анархический актив, углубляя свое анархическое мировоззрение, расширять свои познания, приобресть прочность и уверенность в анархическом подходе к действительности. И пора, давно уже пора, такому анархическуму активу выделиться из широкой массы, охваченной анархической пропагандой.

Б-ский.

ОЧЕРЕДНОЕ ЛИЦЕМЕРИЕ «РАССВЕТА».

В последнее время в «Рассвете» заговорили об об'единении.

В статье «Неотложная задача» Безвластник скорбит о том, что статья об об'единении, помещенная в «Рассвете», не вызвала интереса к этому вопросу потому, что автор ее не принадлежал к числу «профессиональных литераторов или к числу самых активных работников».

Поэтому Безвластник, находящийся целый ряд лет в «Рассвете» и в «анархическом движении», будучи профессиональным «литератором» и активным «работником», отлично понимая психологию своих читателей и «их» повседневные нужды, решил выступить в «Рассвете» с изложением своих мыслей по затронутому вопросу. Решился Безвластник потому, что в статье простого рабочего «был затронут один очень важный вопрос — вопрос об об'единении наших сил и о дальнейшей работе», которой он «страшно» интересуется.

Эти «безвластники» и «безначальцы» из «Рассвета» не первый раз уже призывают к об'единению, к «собиранию русской колонии» и «наших сил». Делали они это еще тогда, когда многие из Иванов Ивановичей, не зная настоящей физиономии рассветовских Иванов Никифоровичей, примыкали к «Рассвету». Они пробуют это делать опять, но только уже не под церковным флагом, а под знаменем Кропоткина.

Вот выдержки из двух передовых газ. «Рассвет»: «Собирание русской колонии» и «Как здравствует чикагская колония» (от 28-29 декабря 1927 г.)

Вот выдержка из первой передовой:

„Мы, русские, все как-то дальше и дальше расходимся, отходим друг от друга, идем врозь, в рассыпную, словно в нас вселились какие-то злые демоны, влекуще нас в пропасть, к погибели.

Такие, сравнительно, небольшие народности, как литовцы, украинцы, чехи, финны, поляки, евреи т. д.— имеют многочисленные организации взаимопомощи; некоторые из них располагают миллионными капиталами (например, украинское общество „Свобода", галицийское общество в Скрентон, Па., польское — „Згода" и т. д.) И молодежь упомянутых народностей не отходит от жизни своих колоний, она не порывает с традициями своих отцов."

А вот выдержка из второй:

„В политическом отношении русские чикагцы, в подавляющем своем большинстве, представляют беспартийную массу, подозрительно относящуюся ко всяким партийным вывескам. 1)

В этом безразличии, так беспокоющим наших колониальных политиков, нельзя не видеть некоторой доли политической зрелости. И не плохо то, что русский колонист больше не попадается на трескучие, пустозвонные фразы, которые так волновали его в разгар русской революции. Отдав дань революционной романтике, он теперь является человеком более осмотрительным, рассуждающим и критически относящимся ко всему тому, о чем ему говорят профессиональные политики.

Слова рассеялись, как дым, массы разбрелись в различные стороны после революционного похмелья, а русская колония осталась у разбитого корыта.

Есть церковные братства взаимопомощи. Но в этих братствах столько членов, сколько прихожан, и огромное число русских колонистов остается вне организаций.

Предпринимают-ли эти организации какие-либо меры, чтобы увеличить свои ряды неорганизованными колонистами, желают-ли они расширения своих организаций —трудно сказать. Деятельность этих братств носит в некоторых случаях совершенно приватный характер, и даже считается почему-то излишним не только информировать читающую колонию посредством газет заметки о своих собраниях.

Об устройстве агитационных митингов, лекций и докладов, о газетной пропаганде с целью рекламы организаций и привлечения новых членов — говорить не приходится. В Чикаго это не делается."

Все передовые того времени были в таком же духе и принадлежали они «безвластникам»: Рубежанину, Моравскому, Карпику. Больше всего первому, который, является теперь редактором журнала «Пробуждение».

Они только сейчас узнали, что „во всем мире свирепствует такой страшный кризис, какого не знала до сих пор история".

„Все это показывает— продолжает Безвластник,— что капитализм обанкротился и никогда не выйдет из того тупика, в котором он оказался" и что „ни социализм, ни большевизм не спасут человечество от всех социальных бедствий."

„Какой же можно сделать вывод из этого?"—спрашивает автор.

А вот какой: „Раз все эти системы обанкротились или оказались ложными и не состоятельными, то они должны быть заменены новой системой. 2) Эту систему не нужно выдумывать. Она давно уже выложена и построена на прочном фундаменте Кропоткиным, Толстым и другими мыслителями".

Коротко и ясно — не правда-ли?

Повидимому, до кризиса, вернее до приближающейся гибили «Рассвета», Безвластник ничего не знал, скорее всего не

---

1) В том числе, значит, и к вывескам кропоткинцев. *Прим. авт.*

шейся является система и рассветовская. С ней тоже

шейся. является система рассветовская. С ней тоже нужно бороться. *Прим. авт.*

желал знать, о прочной системе, построенной Кропоткиным.

Больше того, приведенные выдержки из двух передовых «Рассвета» определенно говорят за то, что рассветовские «безвластники» являются злейшими врагами анархической системы Кропоткина. Это славное имя они пользуют лишь для прикрытия своего лицемерия. В действительности же они приходят в восторг от того, что русская колония, «отдав дань революционной ремантике, — не волнуется так, как волновалась в разгар русской революции».

Их тревожит еще только одно обстоятельство, что русская колония, сделавши «шаг вперед», т. е. отошедши от революционного дела, не идет в церковь, поэтому они открыто упрекают церковные братства, что те недостаточно еще пользуют страницы «Рассвета», с целью пропаганды и «привлечения новых членов».

Рассветовские редакторы, являясь от'явленными шовинистами, хотят, чтобы и все русские рабочие были таковыми же. С этой целью они и толкают их на путь реакционно-шовинистический, на путь национальных обществ: «Свобода», «Згода» и русские церковные братства, возглавляемые русско-украинскими владыками и пильсудчиками. Делалось это «Рассветом» раньше, делается и сейчас.

Во всех этих обществах видите-ли, все идет по старому: «И молодежь упомянутых народностей, не отходит от жизни своей колонии, она не порывает с традициями своих отцов» и все эти общества «располагают миллионными капиталами».

Вот чем именно увлекались и увлекаются рассветовцы и на что именно соблазняли и соблазняют своих читателей.

Денег «Рассвет» в награду за оказанную услугу шовинистически настроенным элементам и черносотенцам не получил; кассы этих обществ, располагающих миллионным капиталом, оказались недоступными для рассветовских заправил. На долю «Рассвета» достались лишь одни гимны, певшиеся всей этой, ожившей благодаря агитации «Рассвета», черносотенщиной. Вот они, эти гимны:

„Плохой тот человек, который не любит и позорит свою родную мать (церковь). Нет оправдания на "Matricide". Вот и газ. „Рассвет" уже стоит за *русское* единение за *национальное* самоопределение, а независимцы не составляют ни одного процента одной чикагской колонии, кричат: „Независимцам вся слава". 3)

„Если вы кричите „слава народу русскому — слава", то нельзя нападать на митрополита Платона и владыку Феофила, ибо они возглавляют больше русских людей, чем независимцы или какая-нибудь другая организация за границей.

„Все благоразумные люди говорят и пишут, что нужно об'единиться на национальной почве. И работая в данном направлении, как можно отрицать источник национального бытия — Православную Церковь? („Рассвет" №15, 1928 г., автор статьи некий В. Чобот из Гери, Инд.)

В другой раз этот же самый В. Чобот писал:

„В передовице М. Р., от 20-го января 1928 г., призывая к об'единению колонии, не исключал и *Православной Церкви*, а за это я и хвалю газету.

За последние два-три месяца газ. „Рассвет" начинает выходить на более широкую дорогу, а это следует поощрять, а не усугублять инсинуациями. Человек. ко- о том, что делается в братстве, но и давать в газету торый брезгает поцеловать руку епископу и не желает отдать веками практикуемую должную честь приемнику Христа — не есть православный, а Иуда Искариот: („Рассвет" от 6-го Февраля 1928 г.)

Безвластник же из «Рассвета», как бы забыв все это, в статье «Неотложная задача» заявляет: «Идейных разногласий, если не считать так называемых анархо-большевиков, у нас не было и очевидно не будет».

Если Безвластник в этом заявлении имеет в виду «приемников Христа», которым он лобызал руки и призывал других это делать, тогда дело ясное: разногласий у них не было и быть не может. Если же имеет в виду кропоткинцев, то это ложно.

Безвластник прекрасно понимает, что идейные разногласия были и есть, но говорится это на всякий случай. Если так назыв. анархо-большевики поддадутся и пойдут на об'единение с «Рассветом», то он их будет называть безвластниками, а если нет — анархо-большевиками.

Всем известно, что рассветовских «безвластников» совершенно не интересует ни кризис, ни безработица со всеми их последствиями — нищетой и голодом, — ни Кропоткинское учение, ни наши идеи, ни наша распыленность, а тем менее об'единение. Льют они горькие слезы не поэтому всему, а потому, что хотят под прикрытием всех теперешних несчастий, обрушившихся на рабочий класс, вызвать у рабочего жалость и сострадание к собственному положению и лишний раз воспользоваться материальной помощью Иванов Ивановичей, чтобы потом, когда наступят лучшие времена для «Рассвета», опять нанести тяжелый удар Кропоткинскому учению и ослабить его фундамент.

---

3) Чикагское Независимое Общество казалось тогда для „Рассвета" тоже слишком радикальным. *Прим. авт.*

Нет, господа хорошие, двум богам служить нельзя. И те товарищи, которые не хотят говорить с вами об об'единении, знают это.

В.

Примечание: Между прочим, Павлов в статье „Антисемит" жалуется, что газету „Рассвет" называют черносотенным и антисемитским органом, когда на самом деле в „Рассвете", мол, ничего не бывало и не бывает монархического и черносотенного и что она „не поддерживает линии религиозных организаций". Не желая вступать в полемику с Павловым, мы рекомендуем ему ознакомиться еще раз со следующими номерами газеты „Рассвет":

Январь 20, Февраль 3, 4, 11, 14, и Март 5, 9, 1928 г.; Октябрь 5, 1929 г., Март 22, 1930 г., Февраль 20, 1932 г. и прочитать в них статьи:

„Об об'единении русской колонии", „Каковой должна быть русская печать в Америке" (обе передовые), „Приближается развал России", за подписью некоего Федорова; — ряд статей о чикагском архи-монархическом Свято-Троицком Соборе за подписью Хрусталев; —ряд заметок редакции „Рассвета" в похвалу Союзу Русских Офицеров гор. Чикаго, — Две статьи главного русского монархического за-рубежного правления за подписью трех генералов: Бартова, Кальницкого, Позднышева, белогвардейское стихотворение: „Княжий дар"

ПАМЯТНИК

ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ КРОПОТКИНУ.

(К одинадцатилетию со дня смерти).

В прошлом году мы почтили память покойного нашего учителя и наставника изданием большого интернационального сборника, посвященного его личности и его учению.

Теперь мы хотим отметить одинадцатую годовщину его смерти указанием на необходимость поддержать памятник, воздвигнутый в Москве анархистами в 1921 году. Этот памятник — музей имени Петра Алексеевича Кропоткина, председательницей которого является София Григорьевна, жена покойного.

Несколько лет тому назад музей вверил свою судьбу в руки международного анархического движения в лице Международного Товарищества Рабочих и во многих странах в настоящее время имеются или представители музея или комитеты содействия.

До последнего времени музей не испытывал острой материальной нужды, но с началом международного экономического кризиса, поддержка музея ослабла и музей очутился в острой нужде, вследствии чего ему грозит опасность перейти в руки государства... Каждый понимает, что переход музея в руки государства означает его смерть. Было бы ужасным преступлением со стороны анархического движения потерять это единственное в мире анархическое учреждение, **на содержание которого требуется всего лишь 300-400 долларов в год.**

Музей имеет не только местное российское, значение, но и международное, ибо он не только памятник Кропоткину, который он несомненно заслужил, но и единственное в мире анархическое книгохранилище, куда со всего света стекается анархическая литература.

В музее уже собраны богатые материалы о движении Первого Интернационала, о многих анархических деятелях и писателях, одним словом, там собирается все, что прямо или косвенно связано с личностью Кропоткина и с его учением. Кроме всего этого, в России музей в настоящее время является единственным источником откуда черпается правильное представление об анархическом идеале.

Исходя из всего этого анархическое движение должно взять на себя все заботы о поддержке музея.

Музей мог бы быть вполне обеспечен одним американским анархическим движением, если бы члены каждой анархической группы обложили себя месячным взносом в 25-30 сентов и аккуратно его высылали.

Музей нуждается в помощи и эта помощь должна быть оказана ему — **это долг анархической чести.**

Если план месячных взносов не подходит, тогда нужно самим изыскивать другие пути **регулярной** помощи музею.

Музей будет рад всякой помощи.

Мы уверены, что анархическое движение не останется глухим к воплям музея о помощи и не позволит государству захватить в свою руки наш музей.

Товарищи, отстоим музей!

Товарищи! Старайтесь распространять, как можно шире, журнал «Дело Труда» среди широкой трудовой русской колонии и вырученные средства от продажи журнала направляйте скорее по назначению. Это даст нам возможность приступить к выпуску следующего очередного номера.

Редакц. Коллегия.

ХРОНИКА МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

БЕЛЬГИЯ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

От нашего корреспоннедта.)

В декабре месяце, в Брюсселе, состоялся специальный конгресс социал-демократической партии, на котором обсуждался «экстренным порядком» вопрос об отмене субсидии частным, главным образом католическим, учебным заведениям.

Дело в следующем. По закону правительство имеет право субсидировать только лишь казенные учебные заведения.

Но духовенство, благодаря католической партии и опортунистской политики социалистов в 1919 г., когда социал. Дестрэ был министром просвещения, добилось больших субсидий для своих школ.

Около двух лет спустя после этой знаменательной даты, Социалистический Союз учителей стал вести пропаганду за отмену субсидий церковным учебным заведениям; социал-демократическая партия не обращала никакого внимания на требование союза.

Поддержка социалистами католических школ продолжалась 10 лет. Тем временем, благодаря хитрой политики католической партии, субсидии постоянно увеличивались и, в конце концов, достигли размеров, превышающих субсидии светским школам. Благодаря этому католические школы сильно размножились и ныне превышают светские численностью классов и численностью воспитанников.

По нижеприведенным статистическим данным товарищи могут судить восколько обошлась опортунисткая политика социал-демократов и в каком положении находятся светские школы.

Свою «школьную политику» социалисты об'яснили желанием «педагогического мира» с католиками и желанием не оскорблять анти-католической пропагандой религиозные чувства верующих; «...Религия —частное дело», так сказал Вандервельде, лидер бельгийской с.-д. партии. Больше всего способствовали этой школьной политике с.-д партии «верующие» депутаты социал. Среди этих верующих социалистов некоторые прикидываются верующими только лишь потому, что их личные интересы тесно связаны с католиками.

По голосованию за отмену субсидий можно легко себе представить, что творится в бельгийской соц.-демок. партии. На состоявшемся конгрессе докладчик, депутат Трокле, требовал отмены субсидий без переходных мер. Резолюция комиссии, соответствующая докладу Трокле, не смотря на сопротивление опортунистов, была принята 415,052 голосами, против 11,790 голос., при 67,810 воздержавшихся и 95,656 неопределившихся. Предложение депутата Делятра, требовавшее немедленного проведения в жизнь резолюции, было принято 322,101 голосами против 207,198 и при 20,000 воздержавшихся. До тех пор пока дело шло о неопределенной политике, резолюция была принята без всяких затруднений, но коль скоро дошло до вопроса о проведении резолюции в жизнь «этуазиазм» социалистов сразу уменьшился.

Недовольные результатом последнего голосования Вандервельде и Л. Де-Брукер вышли из генерального совета партии, а К. Уисманс, городской советник г. Антверпена, подал в отставку. Энергичная позиция большинства конгрессистов оказалась не по вкусу этим опортунистам рабочего движения.

Перед голосованием Вандервельде, как хитрая лиса, почуяв чем пахнет, высказался за отмену [с]убсидий, но это не помешало ему поступить противоположно тому, что он говорил. Подав в отставку, Вандервельде совершил большую ошибку, так как этим он обнаружил самого себя. Правда, несколько дней спустя, Вандервельде и Л. Де-Брукер вернулись в генеральный совет.

Что касается К. Уисманса, то, судя по социалистическим газетам, он должен предстать перед партийным судом за нарушение партийной дисциплины.

Теперь возникает вопрос: каковы будут результаты этой «педагогической войны?» Мне кажется, можно заранее сказать, что парламентским путем социалисты не добьются положительных результатов. Если-бы эта «война» вспыхнула до 1914 года, когда либералы еще были ярыми противниками католической партии, то еще можно было надеяться на благоприятный исход этой «войны». Но теперь, партия либералов находится в тесном союзе с католической партией: их об'единяют общие интересы экономического и политического характера. Либеральный орган «Бельгийская Звезда» уже высказался по этому поводу в отрицательном

смысле. Так что почти нет надежды, что с.-демократы соберут в парламенте необходимое большинство голосов для принятия закона об отмене субсидий католическим учебным заведениям. Единственный способ—прямое революционное действие. Из этой истории рабочие должны вынести хороший урок, а именно: синдикализм, независимый от политических партий, представляет собою силу, способную бороться с успехом.

Не смотря на то, что Синдикат Преподавателей находится под влиянием с.-демократической партии, он всетаки с'умел отстоять свою идею. Становится вполне понятно, что синдикат, будучи независимым и применяя прямое действие, имел бы более удовлетворительные результаты борьбы.

Всякая партия стремится подчинить себе Профсоюзы, ибо синдикаты представляют силу, на которую может опираться политическая партия, поэтому подчинение этой силы партийному контролю играет большую роль в политике всякой политической партии.

Без этой силы никакая партия не может существовать, синдикаты же свободно обходятся без политических партий. В интересах своего существования синдикализм должен оставаться независимым. Синдикализм не раз доказал, что он способен сделать для рабочего класса гораздо больше, чем какая либо партия. И если он не всегда давал ожидаемые результаты, то исключительно потому, что политические партии, в личных интересах, искажали его принципы и его цели.

Бельгийская с.-д. партия высказалась за отмену субсидий католическим учебным заведениям только лшь потому, что убоялась, что синдикат преподавателей своей пропагандой настроит рабочих против с.-д. депутатов.

Вот некоторые цифры, показывающие восколько обходятся католические школы и в каком положении находятся светские.

В 1930 году католические учебные заведения получили более полмиллиарда франков. С 1919 г. по 1930 год было выдано 3 миллиарда франков. Социалисты всегда голосовали за субсидии.

С 31-го декабря 1928 года по октябрь 1930 года— светские школы прибавили 478 классов, католические 875 классов.

С 31-го декабря 1928 года по 1-ое декабря 1930 года, число учащихся в светских школах увеличилось на 22,134, а в католических на 30,916.

В католических учебных заведениях насчитывается на 75,778 учащихся больше, чем в казенных светских школах.

Из 1,221 технических учебных заведений Бельгии, только 446 светские, а остальные 775 католические.

Выходит, что голосуя за субсидии католикам, социалисты лили воду на мельницу врагов рабочего класса.

Будем надеяться, что рано или поздно, рабочие отблагодарят их за такую услугу, как следует.

П. Гонда.

Marchin.

ГЕРМАНИЯ.

Предстоит ли нам фашизм?

(От нашего корреспондента).

Национал - социалистическая рабочая партия Германии в последнее время достигла значительных успехов на выборах. Самый разительный успех она имела в Гессене. В этой части страны «гекенкрейцлеры» получили 291 тыс. голосов и 27 мест из 70, социал-демократы 168 тыс. голосов и 15 мест, католики 112 тыс. голосов и 10 мест, коммунисты — 107 тыс. голосов и 10 мест, 8 мест разделили между собою остальные мелкие партии. Нечто подобное, хотя и не столь катастрофическое, происходило и на выборах в Гамбурге, Вюртемберге и т. д. В Германии, таким образом, кроме двух рабочих партий имеется еще и две крупных буржуазных партии: католическая — центр и фашистская — партия Гитлера, «гекенкрейцлеры». Все остальные буржуазные партии, через два-три года, должны будут слиться с Центром.

Центр среди немецких партий занимает особое место. Он об'единяет рабочих, крестьян, интеллигенцию, промышленников, бюрократов и т. д. Цементирующим началом этой пестрой политической машины является католицизм, который об'единил всех этих людей благодаря утеснительной политики бисмарковского и вильгельмовского времени, по этой причине католицизм очень живучь в стране. Еще, конечно, важным является и то, что католическая церковь стала на республиканскую и социальную почву: она стоит за рабочее законодательство, за страхование и пр., поддерживает свои собствен-

ные профсоюзы (численность которых доходит до миллиона); короче говоря, она защищает все те меры, которые улучшают рабочее существование в рамках капитализма. Отсюда вытекает, что Центр также может иметь значительное влияние на рабочих, а последние выборы показали, что он даже сам состоит почти на 60% из рабочих. Следовательно, можно сказать, что Центр является буржуазной рабочей партией. Стало быть, из 4-х больших политических партий мы имеем три рабочих партии: коммунстическую, социал-демократическую и буржуазную.

В Национал-социалистической партии также об'единяются различные буржуазные элементы. Крестьянство, по меньшей мере на две трети, уже фашистское, крупная индустрия субсидирует Гитлера огромными суммами; средний класс: торговцы, ремесленники и т. д., экономически разоряется и потому тоже настроен радикал-националистически, сюда же надо отнести студентов, офицеров, князей, часть государственного ополчения и чиновничество.

Само собою понятно, что фашисты ведут борьбу не только с помощью выборных бюллетеней. Эта глупость может считаться за «оружие» только рабочими. Наоборот, национал-социалисты с самого начала организовали по-военному «боевой отдел» из своей молодежи, в задачи которого входит, тайно или открыто, терроризовать рабочий класс. Этой бандой убийц уже убиты сотни пролетариев и тысячи ранены. Не проходит дня, в который пролетарии не падали бы от пуль «боевого отряда».

Гитлер уверял, что он будет стоять на «законной» почве, т. е. он не намеривается совершить переворот вооруженным путем. Но повседневная годовая мелкая война, ведомая от имени бедных безработных, идущих за приют и хлеб к «гакенкрейцлерам» и, несомненно, содержимых тяжелой индустрией, есть ничто иное как вооруженное восстание.

Что сделано по отношению ко всему этому правительством? Оно торжественно об'явило свою вражду к национал-социалистам и этим удовлетворилось. Оно решило оставаться демократическим — и запрещает синдикалистские газеты, преследует свободомыслящих, коммунистов и т. д. Оно, как все правительства, будто бы хочет добра народу и пользуется кризисом для бесстыдного грабежа рабочих карманов: снижает заработную плату, отнимает от сотен тысяч безработный паек, повышает налоги и пр. И правительство при этом опирается, помимо Центра и мелких буржуазных партий, на социал-демократов, которые поддержкой правительства Брюнинга хотят устранить приход фашистов к власти. Мы имеем, следовательно, своеобразную комедию: для того чтобы устранить возможность полного фашистского правительства, рабочие поддерживают враждебное им полуфашистское правительство Брюнинга!

Ясно, что это предательство расстраивает силы и боевую мощь пролетариата. Именно эта мягкотелая политика социал-демократов возлагает на них полную ответственность за враждебную рабочим политику Брюнинга, дает фашистам дешевую пропаганду, разочаровывает рабочих, запутывает и сбивает их с толку. Такая политика как раз и может привести к фашизму, который уже чувствует себя у порога власти.

Еще ничего нет определенного, но ситуация с каждым днем может определиться очень быстро. И если в эти дни немецкий пролетариат не найдет в себе достаточно силы устранить гитлеровское правительство при помощи всеобщей стачки и других революционных средств борьбы, то Германии, может быть, предстоит испытать участь Италии.

Г. В. Герхард.

ИСПАНИЯ

Правда о последнихреволюционных событиях

(Отчет М. Т. Р.).

Растущая безработица с ее ужасными последствиями, преследование властями рабочего класса, безучастное отношение правительства к тяжелому экономическому положению рабочих, беззастенчивая попытка предпринимателей поставить рабочих в тяжелые моральные условия заставляли ожидать со дня на день взрыва недовольства. Ко всему этому, перемена политического режима пробудила надежды, которые не осуществились и, конечно, не могут быть осуществлены правительством. При таком положении дел пропаганда за революционное действие крепла с каждым днем. Наиболее импульсивные элементы Национальн. Конфедерации Труда полагали, что создавшимся положением следует воспользоваться для боевого выступлени, надеясь этим выступлением поднять революционное настроение рабочих до наивысшего социального напряжения.

Под таким настроением находился конгресс профсоюзов области Лаванте, состоявшийся в начале января, на котором было представлено 114,000 рабочих.

На конгрессе было установлено, что рабочие стоят на точке зрения немедленной революции и потому большинство конгресса того мнения, что нельзя больше терять времени и что необходимо приступить к немедленному действию.

В Сагунто была об'явлена всеобщая стачка и рабочие в течении нескольких часов были господами положения: они обезоружили «Самотэн» (реакционная городская стража) и некоторых карабинеров. Движение однако не разрослось и власти остались несверженными. Неделей позже пример Сагунта был повторен в большом масштабе в Каталонии. Здесь движение началось с Фиголса. Однако и здесь, как и в Сагунто, товарищи не вошли в связь с провинциальными или областными комитетами Конфедерации и действовали на свой собственный риск.

В Фиголсе, городке каталонских углекопов, события разыгрались таким образом: в 2 часа ночи был разбужен своими товарищами председатель местного союза, которому дали понять, что час социальной революции пробил. Товарищ Приэто, председатель, без дальнейших разговоров, не осведомясь о положении дел в других местах, разбудил остальных преданных и верных товарищей. Организовавшись, они внезапно напали на «самотэн», которые, перепуганные неожиданностью нападения, были разоружены без сопротивления. Вооружившись отобранным оружием, повстанцы превозгласили социальную революцию: синдикалисты захватили все общественные богатства и функции в свои руки, переняли городское управление, управление рудниками и приступили к распределению жизненных припасов по рационам.

В целях предохранения рудников от затопления, была установлена стража. Затем часть рабочих анархо-синдикалистов пошла по домам вооруженных граждан в целях их обезоружения. Последние были смертельно перепуганы, они, думали, что пришли их убивать, предлагали рабочим, только бы их пощадили, все свои деньги, но анархисты-синдикалисты возвращали им деньги, говоря, что они пришли не за их жизнью, а за оружием, дабы предотвратить возможное кровопролитие и что в деньгах они теперь не нуждаются.

В ожидании вспышки революции во всей Испании прошло два дня — ожидания не оправдались, революция не последовала. Только близьлежащие места — Манреза, Саллент, Кардона, Сурия и др. —под влиянием рабочих Фиголса, об'явили у себя социальную революцию и захватили в свои руки все общественные функции.

Значение этого движения не в его результате, а в его характере. Один буржуазный журналист, находившийся в местах охваченных революцией, выразил свое восхищение и удивление о днях жизни в условиях свободы и равенства, которые ему пришлось пережить: работы продолжались без предпринимателей, рабочие не предавались мести и не учинили никакого насилия над кем бы то ни было, денежное хозяйство было отменено и жены рабочих делили жизненные припасы по-товарищески.

Рабочие Барцелоны пытались вызвать движение поддержки революции, начатой в провинциальных городах: они об'явили всеобщую стачку. Стачка охватила большинство индустрий и главным образом транспорт. Но отсутствие нужной подготовки не дало возможности провести стачку в полном об'еме. Синдикалистская печать была запрещена, типографии закрыты полицией, так что руковядищие профорганизации не могли опубликовать и распространить соответственных воззваний и прокламаций. Поэтому, в виду удушения движения в Барцелоне, рабочие небольших провинциальных городов также не могли удержать своих позиций. Правительство, в целях подавления революции, немедленно направило в восставшие местности большую военную силу. В виду численного превосходства правительственных сил, рабочие вынуждены были отступить. Вслед за поражением революционного движения, как водится, последовали многочисленные аресты. Но из этой области движение перекинулось в другие части страны. В Андалузии, Аррагоне, провинции Валинсия была провозглашена всеобщая стачка. Во многих местах этих провинций рабочие обезоружили полицию и стражу и сделались господами положения. В Саллане, Масроиге, провинция Валенсия, Кастилле и Кабре, провинция Теруэль, во мнегих местах области Синка и провинции Гуэска были сражения с солдатами.

Все эти движения разыгрались в январе. Сила этого движения была нарочно преувеличена правительством, чтобы оправдать жестокость своих действий. Во многих местах, где еще не была провозглашена всеобщая стачка, правительство в полицейском порядке закрыло отделы

профсоюзов, принадлежащих к Н. К. Т. Это произошло, между прочим, в Мадриде, где, в Флор Альта, помещался синдикалистский центр и большинство союзов. Это движение было попыткой установления свободного коммунистического общественного порядка. Попытка эта оказалась неудачной благодаря отсутствию всеобщности, глубины и широты. Оно было стихийным. Оно показывает, что при надлежащей степени организованности рабочий класс легко может сокрушить силу капитала и государства.

Движение было вызвано исключительно анархо-синдикалистами. Коммунисты, конечно, пытались нарядиться в чужие перья и подчинить движение своему влиянию, однако все их утверждения были фальшивыми. Они, например, распустили даже слух, что Приэто, председатель союза в Фигольсе, откуда началось движение, — коммунист. Но это чистейшая выдумка. Приэто всегда был анархистом, всегда боролся внутри рабочего движения со всеми авторитарными и симпатизирующими государству течениями. Правительство же, с другой стороны, распустило слух, что движение раздуто правыми кругами и велось на иностранные деньги. Это ложь понятна в устах правительства. На самом же деле это было **стихийное движение революционных рабочих.**

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИСПАНИИ.

Когда совершилась бескровная испанская революция, многие анархисты и синдикалисты вообразили, что испанское республиканское правительство будет не похоже на другие республиканские правительства мира. И в действительности так и было, пока анархисты и синдикалисты ограничивались теоретическими рассуждениями и философией. Но когда они убедились, что теории и философия ничего не значат, если они не претворяются в жизнь, то республиканское правительство стало действовать как и все другие республиканские правительства, которые вслучае необходимости принимают все необходимые меры принуждения: они сажают в тюрьму, ссылают, убивают, а если нужно то они не останавливаются и перед расстрелом народа. Ни одно правительство не остановится перед кровопролитием и не посчитается с жизнью своих подданных, если от этого зависит его существование. Это свойственно всем правительствам от самого желтого до самого красного.

В годы диктатуры социал-демократы кооперировали с правительством, благодаря чему только их партия и их рабочие союзы были разрешены Примо де Риверой. Когда была превозглашена республика и синдикалисты снова получили возможность открытой борьбы, Национальная Конфедерация Труда, анархо-синдикалистский соююз, менее чем в два месяца об'единила в своих рядах около миллиона человек — это огромная цифра, если принять во внимание, что Испания насчитывает только 25 милл. населения и что она страна земледельческая. Социалисты в своем реформистском Всеобщем Рабочем Союзе, который они контролируют и направляют, насчитывают немного больше полумиллиона. Таким образом в Испании насчитывается около полутора миллиона организованных рабочих, из коих две трети находятся под прямым или косвенным влиянием анархистов.

Мы можем сказать, что все союзы, принадлежащие к НКТ, фактически являются анархическими союзами постолько, посколько только рабочие союзы могут быть анархическими.

Печатные органы этих различных союзов, от самого маленького недельного издания вплоть до ежедневной газеты "Solidaridad Obrera", —все анархо-синдикалистского направления. Редактор "Solidaridad Obrera", Филипп Алаиз — анархист, выдающиеся лидеры НКТ, как Ж. Пейро, Клара и Пестанья — также анархисты.

Пестанья, Пейро и все остальные заявили, что они готовы принять вызов правительства и что их цель установление в Испании свободного коммунистического порядка.

Недавняя преждевременная анархо-коммунистическая революция в Каталонии была открыто и определенно анархической, хотя в ней и принимали участие как большевики так и наиболее передовые синдикалисты.

Конечно, революции в наше время должны совершаться по широкому и организованному масштабу, потому что в противном случае правительство имеет превосходные шансы организоваться для подавления изолированных восстаний.

Конечно, вполне верно, что отдельные восстания могут послужить сигналом к всеобщей революции, но, вообще то говоря, заранее можно сказать, что шансы на успех у повстанцев незначительны.

Об Испании можно сказать, что это в настоящее время единственная страна, в которой преобладают радикальные идеи и эти идеи анархические, это единственная страна, в которой, — если только ветер не изменится—будет в ближайшем будущем провозглашено подлинное трудовое общество.

Онофре Даллас.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРОГРЕССИВНОГО КЛУБА ГОР. ЧИКАГО О П. АРШИНОВЕ.

П. Аршинов в течении ряда лет пользовался доверием Федерации Анархо-коммунистических Групп Северной Америки и Канады, а редактировавшийся им в Париже, в течении почти пяти лет, журнал „Дело Труда" был признан органом Федерации и субсидировался последней.

С переходом журнала в Америку П. Аршинов продолжал сотрудничать в нем. Вплоть до 1931 года между П. Аршиновым и Федерацией не было почти никаких серьезных идейных расхождений, если не считать, что его „Организационная Платформа" не была признана всеми группами Федерации. Расхождения П. Аршинова с Федерацией начались с присылки для печати статьи, предварительно напечатанной им в испанской газете "Solidaridad Obrera", в которой он призывал анархистов Испании к созданию единого фронта с коммунистами и звал к организации „господства пролетариата", т. е. диктатуры.

Федерация, расходясь с точкой зрения статьи, решительным образом отказалась опубликовать ее в своем органе. На том же основании Прогрессивный Клуб гор. Чикаго и редакционная коллегия „Дело Труда" отказали ему в помещении написанного им поздравления четвертому международному Мадритскому конгрессу Международного Товарищества Рабочих. Вскоре после этого он прислал для опубликования протест против участия Н. Махно в органе Беседовского „Борьба". Вполне солидаризуясь с резким порицанием Махно за его участие в „Борьбе", Прогрессивный Клуб и редакционная коллегия не сочли однако возможным напечатать этот протест в „Дело Труда", так как Аршинов в нем не столько порицал Махно, сколько защищал Компартию СССР, от разоблачений Беседовского. Такое отношение Аршинова к большевикам заставило Федерацию насторожиться.

Последняя брошюра П. Аршинова — „Анархизм и диктатура пролетариата. (Доклад конференции Анархо-коммун. групп Сев. Америки и Канады)", — убеждает нас в том, что Аршинов в ней сознательно повернул в большевистскую сторону. Он в брошюре признает: 1) *Неизбежность эпохи диктатуры пролетариата, 2) признает полезную роль государства в революции, 3) признает необходимость государственной власти и при том в самой реакционной ее форме — в форме диктатуры, т. е. деспотизма, 4) признает такое государство „зародышем нового мира-мира освобожденного труда" и на этом основании рекомендует анархистам войти в тесный контакт с этим государством помогать ему „в его борьбе с темными силами старого мира"*, под которыми, как показал 14 летний опыт России, разумеются все несогласные с политикой правящей коммунистической клики, и в том числе, конечно, и сам П. Аршинов, по крайней мере, до появления этой брошюры.

Признав все вышеуказанные идеи современного большевизма со всеми логическими выводами из них, Аршинов, тем самым, *исключает себя из рядов анархического движения*, а поскольку он не заявляет открыто о своем отходе от анархизма, Прогрессивный Клуб гор. Чикаго *рекомендует: 1) исключить П. Аршинова из состава сотрудников органа „Дело Труда", 2) не считать его больше идейным товарищем, а рассматривать, как вредный и враждебный Анархическому Коммунизму элемент и 3) довести об этом до сведения анархического движения тех стран, с которым он соприкасался прямо или косвенно.*

Прогрессивный Клуб гор. Чикаго.

Секретарь *Новик.*

26 фев. 1931 г.

МОНТРЕАЛЬ, КАНАДА.

Кому верить?

Кому верить? Тем-ли, которые ездят в Россию в качестве туристов и, возвратившись в Канаду, поют русской колонии песни о советском рае или тем коренным жителям России, которые, прожив 13 лет в советском раю, бросают родину и едут на жительство в Канаду? Что нам рассказывают о России последние заслуживают, по моему мнению, полного доверия, ибо 13 лет жизни в Совроссии — не 13 часов наблюдения из окна туристского поезда.

К нам из России 15 декабря прошлого года приехала из Киевской губернии простая крестьянка, женщина чуждая всякой политики, работавшая последние годы в колхозе в качестве кухарки и вот она рассказывает совсем не то, что нам поют наши туристы.

Она рассказывает, что в коллективе работают по 8 часов в сутки, кушат дают только два раза в день: на завтрак чай и хлеб, на обед суп, а иногда каша.

Женщины встают рано, около 6-ти часов утра, и первое дело для них—отвести детей в ясли. Ясли дрянные и дети идут туда с плачем, а глядя на них плачут и матери.

Работают босые, голые и голодные. Работают на государство также, как когда батраки работали на панов. За работу коллектив платит 1 кило (около 2½ русск. фунта) не молотой ржи или каких-либо других семян. Когда соберется пуд ржи ее надо самому смолоть, а за помол берут 6 фунтов с пуда.

При этом в колхозе имеется сахарный завод, но он, рассказывает женщина, почти никогда не работает: когда есть уголь—нет бураков, есть бураки—нет угля и все в таком же роде. Я, говорит она, уезжала 20-го октября, а бураки все еще не были убраны с поля. Люди не хотят работать и говорят комиссарам: „вы одеты и обуты—ну и работайте сами". А комиссаров дармоедов много: на нашу кашу приходилось семь комисаров, которые начальствуют и жрут ничего не делая, да пьянкой занимаются хлыщут „рыковку", за которую платят по 3 руб. 50 коп. за бутылку—и развратничают. И на них никакой управы нет: поставлены высшими властями, а прежде чем доберешься до них попадешь в тюрьму. Бывший девичий монастырь правращен в тюрьму, сидит свыше 300 человек. Не

проходит дня чтобы кого нибудь не арестовали и что-нибудь не ре[illegible] пр[illegible]ли. Тем, которые еще не вошли в колхоз, совсе[illegible] пл[illegible]хо, их сживают со света всякими притеснениями и придирками; каждый день их проверяют: не зарезал ли какую животину, не продал-ли что и т. д. Если кто посеял лен —должен весь сдать государству. Уже два года как запретили выделку самотканного холста.

Таковы условия жизни в деревне, в деревенском советском раю.

Что же на все это крестьяне говорят? Спросил я.

„Да ожидают какой либо войны“...

Итак, кому же верить: трудовой крестьянке или безответственным болтунам из компартии и их прихвостням?

Кстати, мужу этой женщины потребовалось два года, чтобы выхлопотать ей разрешение на выезд из России; паспорт стоит 150 дол. или 300 рублей. Послушав все рассказы этой безхитростной женщины, я еще больше убедился, что, действительно, всякое правительство: и буржуазное и рабочее, имеют волчьи зубы и волчий нрав, и это есть один только выход, выход анархический, т. е. установление безвластного строя и безвластного коммунизма, одним словом, вне свободного общества нет спасения нашему брату рабочему и бедняку-крестьянину. Будем же усердно бороться за этот идеал, сомкнем теснее наши ряды и дружно пойдем в бой за свободу и анархический коммунизм!

Гр. Резанович.

АКРОН.

У нас в Акроне существует группа, но работа ведется слабо, причина —безработица. Большинство членов группы уже долгое время без работы; я, лично, почти уже позабыл как работать: не работаю более трех лет. А те, которые работают, работают всего лишь несколько часов в неделю, а люди-то почти все семейные. Благодаря всему этому, нет возможности поддержать наш журнал как хотелось-бы, но тем не менее, мы, по мере наших сил, будем стараться.

Д. Лычак.

ОТЧЕТЫ.

ОТЧЕТ ПО ВЕЧЕРИНКЕ.

Лос-Анжелос, Калиф. — На состоявшейся вечеринке 24-го декабря, 1931 г., в доме Кати Р., было собрано общего прихода: 25.41. Расход: 8.41. Чистая прибыль: — 17 долларов.

Собрано по подписному листу: А. Леонов 1.00 П. Кравец —1.00, Э. Моисеева—1.00, Г. Савчик—1.00, К. Орлов—1.00, В. Сибиряк—1.00. А. Василивеч—1.00, Ч. Маерс—0.50, В. Калинский—0.50.

ИТОГО: 8.00

Чистый доход от вечеринки: 17.00

ВСЕГО: 25.00

Из общей суммы (25 дол.) 10 дол. в пользу политических заключенных в СССР и 15 дол. на журнал „Дело Труда“.

С тов. прив. *Союз Русск. Раб.*
Секр. *Э. Моисеева.*

ОТЧЕТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА „ДЕЛО ТРУДА“ №67.

ПРИХОД:

От Прогрессивного Клуба, гор. Чикаго, членские взносы в фонд „Дело Труда“, — 25.00, Союз Р. Рабочих, Лос-Анжелос в фонд „Д. Т.“— 15.00 и в фонд политическим заключенным в СССР—10.00, Союз Русск. Рабочих Сан-Франциско, Кал., за продан. журнал —3.00, и членские взносы в фонд журнала — 5.00, От Нью-Йорской группы через федеративного секретаря членские взносы и от продажи журнала—27.00, Тончев, Чехословакия, подписка — 2.00, Группы Медисон, Илл. через Ковалевича, членские взносы, — 3.00, —Ковалевича от продажи журнала — 5.00, Лычека, Акрон, — 4.00 от продажи журнала и— 3.00 членские взносы, Н. Логота, Торонто, Онт., Канада, от продажи журнала — 4.00, И. Волкова. Чикаго, за продан. ном. жур.—7.20, С. Филипова, Кровланд , Канада, подписка—1.00 через Н. Джина от Союза Российских Тр-в, Монтреал, Канада, за прод. жур. — 7.00, М. Мрачный, Детройт,—подписка и фонд — 3.00, А. Шуров, Клывланд, Огайо, за продан. жур. — 8.00, А. Зубрин, Детройт, подписка — 2.00, Союз Р. Р. Сан-Франциско в фонд „Д. Т.“ через А. Шваба — 5.00, Бетлегем, Па., через Савчука— 4.00, Н. Гринюк, Филадельфия, за прод. жур. — 9.50, Дан, Филадельфия, — 1.00 в фонд „Д. Т.“ и —1.00 в фонд сборника К-на, Серадоенко, Балтимор, — 5.00 за прод. жур. и — 5.00 в фонд „Д. Т.“

ИТОГИ:

От продажи журнала „Дело Труда“	58.70
Членские взносы на „Дело Труда“	58.00
В фонд " "	33.00
В пользу политических заключ. в СССР	10.00
На сборник Кропоткина	1.00
ОБЩАЯ сумма прихода	160.70
Переходная сумма от № 66-го	11.84
ВСЕГО:	172.54

РАСХОД:

Типография	93.00
Экспедиция журнала	11.32
В пользу пол. заключенных в СССР	10.00
В комитет Сборника	1.00
Мелкие почтовые расходы	1.55
ИТОГО:	116.87

ПРИХОД:	172.54
РАСХОД:	116.87
ОСТАТОК НА № 68-69	55.67

РОЗЫСКИВАЮ

брата *Павла Савчука*, выходца из Волынской губ., Новоградволынского уезда, Смолдыревской волости, села Суемец. *Василий Савчук*, **1520 E. Mechanic Str. Bethlehem, Pa. U. S. A.**